

— Чуть подвинься. Начинаю злиться.

Я даже не решался стряхнуть с себя руки Юн Тэ О. Его предплечья и ладони крепко и уверенно обвили мою талию, а чересчур близкое расстояние только сбивало с толку. Но голос Юн Тэ О при этом звучал так, будто он вовсе не испытывал раздражения.

— Эм... господин директор...

Слышно было, как шумно удаляются беты, что цеплялись к нам, и я осторожно заговорил.

— Директор? А чуть раньше ты вроде называл меня Юн Тэ О. Наверное, за глаза тоже поминаешь меня как последнего ублюдка, да?

Ах, он всё слышал. В нынешней ситуации даже если Юн Тэ О переломает мне хребет и располовинит тело, это будет в пределах закона. А за критику власти вообще под суд попадёшь...

— Это... я просто хотел всё уладить заранее... никаких других намерений не было...

Разговаривать, уткнувшись в его грудь, было неудобно, и я попробовал отстраниться. К моему удивлению, он позволил это без сопротивления. Только теперь меня осенило, в какой двусмысленной позе мы находились, и к этому добавились мои дурацкие слова, будто между нами что-то есть. Я поспешно начал оправдываться.

— Да кто тебя осуждает? Это же очевидно.

Но Юн Тэ О повёл себя так, будто ничего не произошло. Он выхватил из моих рук бокал шампанского, поставил его на стол и, положив ладонь мне на руку, повёл в сторону аукционного зала. Входили мы в таком же положении, но сейчас ощущалось это куда более... неловко.

— Ну... наверное.

Я старался держать лицо, скрывая бешено колотящееся сердце и нахлынувшую волну стыда или, может, тревоги.

— Кстати, секретарь Ким.

— Пэк...

— Точно, секретарь Пэк. Я ведь тебе кое-что поручал. Сделал?

Может, потому что это Юн Тэ О, но, несмотря на то, что почти все пришли на вечеринку с супругами или партнёрами, куда бы мы ни шли, на нас устремлялись самые разные взгляды. В одних читался интерес, в других — даже жалость.

— ...А что именно вы мне поручали?

Мозг будто отказывался работать. Вряд ли я мог что-то забыть — поручения Юн Тэ О я выполнял всегда быстро и чётко. Тем более...

— И вообще, сегодня я пришёл не как секретарь, а как Пэк Си Он.

— Значит, работать не намерен?

— Но ведь вы сами это сказали.

— Верно. Тут ты прав.

Перед самым входом в аукционный зал Юн Тэ О остановился. Он разжал мою руку, положил ладонь на плечо и развернул меня лицом к себе. У меня неприятно кольнуло сердце: а вдруг он разозлился из-за моей дерзости? Хотя он и привёл меня сюда в качестве партнёра, но, похоже, я зря посягнул на его авторитет.

— Зачем... зачем вы...?

И тут, среди толпы, он вдруг сказал:

— Си Он-а.

...Юн Тэ О назвал меня странно.

— Разве я не говорил тебе подумать, в чём ты хочешь быть первым?

Мозг словно завис. Слова я слышал, но смысла в них не уловил. Этот сумасшедший только что назвал себя... Хёном, а меня — Си Оном?!

— Д... ди... директор, вы... вы...!

— Сейчас я не директор. Разве ты сам не говорил, что сегодня ты не секретарь? Тогда и я не директор.

Он что, окончательно свихнулся? Сказать такое — и ещё в его устах... я даже не знал, что ответить.

— ...Хён, аукцион начинается.

Не найдя, что сказать, я ляпнул что-то невпопад и поспешил пройти в зал. Конечно, голос у меня звучал спокойно, но внутри всё кипело: вдруг он разозлится и свернёт мне шею?

— Ты никогда не разочаровываешь.

Даже когда мы рассаживались, в его голосе звучали насмешливые нотки. Он явно получал удовольствие от этого цирка. Я же знал: каждое моё слово он запомнит и когда-нибудь припомнит.

— Си Он... Пэк Си Он.

Даже сидя рядом, он несколько раз шепнул моё имя, будто решая, как именно будет меня добивать — словом или делом. Хотелось сменить имя: как он ни произнесёт его, всё равно звучит пугающе. Лучше бы вообще не называл.

— И ещё. Подумай хорошенько над тем, что я сказал. Если притворишься, что не понял, — я расстроюсь.

Честно говоря, в тот момент я подумал, что он несёт полный бред. Но в паузе вдруг понял, что он имеет в виду.

— ...Да...

Он говорил о том «пари», о котором упомянул в день, когда я слёг с температурой. Тогда я решил, что это просто шутка, и даже не пытался понять. А теперь уже и вспомнить всё толком не получалось — в тот день мне было слишком плохо.

— Кажется, начинается.

И так... для Юн Тэ О начался интересный аукцион. А моя голова готова была взорваться.

□ □ □

— Обручальные кольца Луи Оклерона проданы! — объявил аукционист.

Кольцо, на вид самое заурядное, ушло за баснословные деньги.

— Ух... за такие деньги...

— Нравится тебе, да?

— Да какое там...

Я так увлёкся, что забыл, где нахожусь. Сначала голова была забита другим, но потом, разглядывая лоты, я действительно втянулся. Пусть я и не понимал, почему для присутствующих эти вещи так ценны, но увидеть такое вживую было любопытно.

— А смотришь так, будто дома кино смотришь.

— ...Я?

Вот уж чего не ожидал — придирки.

— Присмотрись. Здесь никто не ест.

— А...

На столиках по бокам стояли лёгкие закуски, но никто к ним не притрагивался. Только наш стол был пуст — всё уже перекочевало в мой желудок. Что поделать: и вид был аппетитный, и вкус оправдал ожидания.

— ...Я просто не ужинал. Пить на голодный желудок — себе дороже...

— Ешь ещё.

Юн Тэ О придвинул мне ещё одну тарелку с соседнего столика. Проверяет, сколько я смогу съесть? Или мне только кажется, что в его взгляде появился какой-то странный интерес? Люди вообще не должны так смотреть. Я отвёл глаза, делая вид, что ничего не замечаю, и занялся печеньем.

Потом, между делом, я спросил:

— А почему вы ни разу не сделали ставку?

Юн Тэ О сидел спокойно, словно просто наблюдатель.

— Не зацепило ничего.

В принципе, я-то знал, что он собирался купить. В «Безумце» именно этот эпизод вызвал море негатива.

— Следующий лот — главный лот сегодняшнего вечера.

Тогда Юн Тэ О вляпался в такой скандал, что потом его поливали грязью все кому не лень. Впрочем, заслуженно — перегнул палку.

— А вот и он!

Аукционист с пафосом сорвал покрывало. И под лучами прожектора, в стеклянной витрине, медленно вращаясь, предстала до боли знакомая вещь.

— Идеально сохранившийся парфюм Клеопатры!

Ну вот, наконец-то. Ладно бы он выветрился за две тысячи лет, но ведь нет — даже запаха плесени нет. Чистое надувательство.

— Говорят, именно этот аромат свёл с ума Антония и заставил его влюбиться в Клеопатру. Не думаю, что нужно отдельно рассказывать об этой легенде. Сегодня мы впервые показываем реликвию, о которой ходили только слухи. В основе — мускус, так что подойдёт и альфам, и омегам, и бетам. Начнём с ста миллионов!

Враньё от первого до последнего слова. В истории ничего подобного не сохранилось. Это лишь красивая сказка, придуманная, чтобы продать парфюм люксового бренда, привязав его к любовной истории исторических личностей.

Этот злополучный флакон стал худшим PPL-вбросом во всём сериале. В начале «Безумец» упирался и не хотел вставлять рекламу в сюжет, но когда рейтинги рухнули и рекламодатели начали один за другим отваливаться, пришлось хвататься за любые предложения и пихать в кадр всё, что угодно. И Юн Тэ О...

— Триста миллионов.

— ...Что?

Сразу же озвучил сумму, превышающую минимальную ставку в несколько раз. Хотя, честно говоря, ничего неожиданного в этом не было: в реальной жизни Юн Тэ О был лицом рекламной кампании именно этого бренда. В сериале он точно так же перебивал ставки соперников и в итоге выигрывал лот, чтобы подарить его Хан Ё Джуну.

— Триста пятьдесят миллионов.

Противником Юн Тэ О в этой аукционной дуэли оказался сын президента «Khyiong Construction». Его бета, поймав мой взгляд, криво усмехнулся, будто говоря: «Видел? Этот лот будет моим».

Этот ублюдок, похоже, решил поиграть с огнём.

— Назовите восемьсот миллионов, босс.

Да, это низкопробный мусор, но на его наглую ухмылку смотреть сил не было. Я тихо перехватил руку Юн Тэ О, уже тянущуюся поднять цену, и шепнул нужную сумму. Всё равно я знал примерную цену финального выкупа.

— ...Восемьсот миллионов.

Юн Тэ О удивлённо посмотрел на меня, но послушался. Сынок из «Khyiong Construction» моментально поднял ставку на минимальный шаг.

— Что за хрен? Может, сразу двадцать миллиардов назвать?

Юн Тэо О терпеть не мог такие игры, и эта наглая манера перебивать его ровно на минимальную разницу быстро вывела его из себя. Честно говоря, если его не остановить, он и правда может выложить двадцать миллиардов за эту дрянь.

— Может, просто отдать это им? Ну кто вообще захочет пользоваться духами, которым две тысячи лет?

— Что? Разве ты не хотел это получить? Тогда зачем так яростно участвовал?

Брови Юн Тэ О скривились в недовольстве. Оно и понятно: я сам только что поднимал ставки, а теперь вдруг передумал.

— Да просто... эти двое мне не понравились, вот и решил поднять цену. А толку-то от этого флакона никакого.

Даже если деньги льют рекой, сливать их на ерунду не хотелось. И деньги Юн Тэ О — не исключение.

— Надо было сразу так сказать. Я, знаешь ли, в таких играх неплохо разбираюсь.

На его лице промелькнула довольная улыбка. Но долго обдумывать это я не успел: он внезапно обхватил меня за плечи и потянул ближе. Просто так держал меня какое-то время.

— Тринадцать миллиардов.

И, не выпуская, посмотрел на того самого сынка через весь зал и назвал сумму. Не знаю, каким именно выражением лица он это сделал, но по тому, как у того залилась краской физиономия, могу догадаться: наверняка нагло ухмыльнулся.

— Восемнадцать миллиардов!

Точно. По тому, как он срывающимся голосом перекрыл ставку на пять миллиардов, всё было ясно.

— Видел?

Я промолчал. Одним только движением Юн Тэ О вывел соперника из себя и поднял цену почти вдвое. Чистая игра на психологии. Вот только он, похоже, не учёл, что при этом рядом с ним сижу я.

— Такие ставки должны расти именно так.

Он был явно доволен собой. А я — совсем наоборот. Стоило ощутить его руку на плече, как стало трудно дышать, будто он сжимал не плечо, а сердце.

<http://bllate.org/book/14451/1278053>